

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Н. Н. ПОППЕ

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

(Опыт классификации)

§ 1. Вопрос о частях речи монгольского языка — и письменного и живой разговорной речи — разработан слабо. В то время как одни грамматики устанавливают в монгольском приблизительно те же части речи, что и в русском языке, другие говорят о меньшем их количестве, и некоторых частей речи, соответствующих таковым русского языка, в монгольском языке не находят.

Так, напр., в грамматике Шмидта говорится о восьми частях речи (существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, послеречие, наречие, союз).¹ О восьми частях речи говорит и Александр Бобровников, классификация которого, однако, несколько отличается от классификации Шмидта. Он устанавливает следующие части речи: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог (понимая под ним те суффиксы, которые пишутся отдельно от слов, и послелог), союз, междометие.² Не производя деления имен на существительные, прилагательные и числительные, он рассматривает их в дальнейшем все же в разных главах как более или менее обособленные друг от друга части речи. Таким образом его классификация отличается в сущности лишь тем, что причастиям он придает большую независимость от остальных форм глагола, чем Шмидт.

Ковалевский устанавливает уже девять частей речи, а именно: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послеречие, союз, междометие.³ Некоторое сокращение количества частей речи мы находим у Алексея Бобровникова. Насчитывая три основных части речи — имя, глагол, частицы, — Бобровников проводит большую, по сравнению с его предшественниками, детализацию внутри имени и устанавливает пять видов имен — предметные, качественные, относительные, числительные, местоимения. К этим частям речи он прибавляет еще глагол и частицы. Всего у него получается семь частей речи.⁴

А. Попов устанавливает также семь частей речи: имя, местоимение, глагол, наречие, послеречие, союз и междометие.⁵ Правда, Попов дальше делит имя на существительное, прилагательное и числительное, в результате чего у него все же получается девять частей речи, как у Ковалевского, причем полный список этих частей речи у обоих авторов совпадает полностью.

¹ Я. Ш м и д т. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832, стр. 19.

² А. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольского языка. СПб., 1835, стр. 22.

³ О. К о в а л е в с к и й. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835, стр. 25.

⁴ А. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 52, 118, 174.

⁵ А. П о п о в. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, стр. 28.

Более поздние грамматики не дают чего-либо нового и повторяют установленное прежними исследователями. Так, Котвич повторяет целиком полный перечень частей речи, данный Бобровниковым, и тоже говорит об именах предметных, качественных, относительных, числительных, о местоимении, глаголе и частицах,¹ а Руднев говорит о трех частях речи — об имени, глаголе и наречии, повторяя этим классификацию того же Бобровникова, установившего три основных части речи.² Отступлением от классификации Бобровникова является у Руднева деление имен на существительные, прилагательные, местоимения и числительные.³ К наречиям Руднев относит наречия, союзы, предлоги, послелог, междометия и частицы.⁴

Как видно, последние две классификации — классификации Котвича и Руднева — не дают ничего нового по сравнению с Бобровниковым, причем Руднев делает, как мы увидим дальше, определенный шаг назад, когда он говорит о существительных и прилагательных. Ничего нового не дает и последняя классификация Котвича — имена (существительные, прилагательные), числительные, местоимения, глаголы, наречия (включая частицы), междометия.⁵

Сопоставляя почерпнутые из прежних грамматик классификации, мы получаем следующую картину:

I. Классификация Шмидта и Ковалевского (а также видоизменившего схему Шмидта Александра Бобровникова и повторившего схему Ковалевского Попова)

1. Существительное
2. Прилагательное
3. Местоимение
4. Числительное
5. Глагол (Бобровников выделяет причастие)
6. Послере́чие
7. Нарече́ние
8. Союз
9. Междометие (у Шмидта отсутствует)

II. Классификация Алексея Бобровникова

(а также повторившего ее в первой редакции Котвича)

1. Имя
 - Предметное
 - Качественное
 - Относительное
 - Числительное
 - Местоимение
2. Глагол
3. Частицы

¹ В. Л. Котвич. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902, стр. 52.

² А. Д. Руднев. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб., 1905, стр. 29.

³ Цит. соч., стр. 56.

⁴ Цит. соч., стр. 85.

⁵ Вл. Л. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржев-нице у Праги, 1929, стр. 86.

III. Классификация Руднева

(соединение классификаций Алексея Бобровникова и Шмидта; почти полностью повторена Котвичем во второй редакции)

1. Имя

Существительное
Прилагательное
Местоимение
Числительное

2. Глагол

3. Наречие (наречие, союз, предлог, послелог, междометие, частицы)

Из сопоставления этих классификаций видно, что самостоятельность обнаруживают лишь Шмидт и Алексей Бобровников, ибо Ковалевский сохраняет схему Шмидта и прибавляет лишь междометие. Попов целиком повторил Ковалевского; Алексея Бобровникова повторил Котвич, а Руднев заимствовал у Бобровникова деление на три основных части речи, но внутри имени дал те же деления, что и у Шмидта, объединив при этом под наречием все те части речи, которые Бобровниковым отнесены к частицам, а у Шмидта и Ковалевского составляют группы наречий, послеречий (т. е. послелогов), союзов и междометий.

Чем объясняется такой разноречивой в прежних классификациях частей речи? Несомненно, что такое положение вещей объясняется, с одной стороны, тогдашним уровнем знания монгольского языка, а с другой стороны, — привычкой следовать трафаретам грамматик европейских и, в первую очередь, классических языков, наконец, преимущественным применением формального метода в подходе к явлениям языка.

В настоящее время, может быть, не стоило бы долго останавливаться на вопросе о том, какими путями устанавливаются части речи того или иного языка. Но, поскольку вопрос этот в монгольском языкознании еще не поднимался и является новым, мы считаем целесообразным высказать несколько соображений, которые послужат своего рода введением в наше дальнейшее исследование. Укажем лишь, что в нашем исследовании вопроса мы могли опираться, между прочим, на следующие общеизвестные труды: А. М. Пешковский, «Русский синтаксис в научном освещении»; В. В. Виноградов, «Современный русский язык»; J. Vendryes, «Le langage». Из более новых работ о частях речи типологически близких языков упомянем работу А. К. Боровкова «О частях речи в языках тюркской системы» и книгу К. Grönbach'a «Der türkische Sprachbau».

§ 2. Вопрос о путях установления частей речи решается очень легко и просто в тех случаях, когда соответствующие категории слов обладают какими-нибудь более или менее ярко выраженными внешними признаками. Если, напр., одни слова образуют формы склонения и другие формы, свойственные только им, а другие не склоняются и не образуют тех форм, образование которых свойственно словам первой категории, но зато обладают своими и только им присущими специфическими признаками, то в этом случае мы несомненно имеем дело с двумя различными частями речи. Так обстоит, напр., дело с именами существительными и глаголами в таких языках, как русский. Другим примером являются русские существительные и прилагательные. Многие прилагательные образуют формы степеней сравнения, а от существительных таких образований нет; каждое прилагательное существует в трех различных формах в зависимости от рода — формы мужского, женского и среднего родов, а существительные в этом смысле «однородны»; прилагательные выступают в полной и краткой форме, вроде *хороший* — *хорош*, *хорошая* — *хороша* и т. д., а существительные таких усеченных форм не

имеют и т. д. и т. п. Этим чисто формальным методом установление тех или иных частей речи вполне возможно в очень многих случаях, и применение исключительно такого метода во многих случаях не приводит к ошибкам или неточностям. Так, напр., этот метод является эффективным, когда мы в монгольском разграничиваем как отдельные части речи имя и глагол: имя склоняемо, образует особые формы множественного числа, от имен существуют свои производные по линии словообразования и т. д., а глаголы спрягаемы, не образуют форм множественного числа и имеют свои особые производные по линии словообразования. Но такой чисто формальный или чисто морфологический подход оказывается совершенно несостоятельным, когда нам приходится иметь дело с внешне не дифференцированными словами, морфологически оформленными одинаково, но тем не менее не могущими признаваться словами одной и той же категории, одной и той же частью речи. Возьмем, напр., причастия и отглагольные имена: и те и другие склоняемы, и те и другие имеют формы единственного и множественного типа, образование и тех и других возможно в монгольском как от первичных, так и от вторичных глагольных основ, вроде *medel* 'ведение' — *medegči* 'ведущий'; *medegülel* 'уведомление' — *medegülügči* 'уведомляющий'. Тем не менее монгольские причастия и отглагольные имена не одно и то же и обладают каждое своей спецификой. Дело в том, что, ничем не отличаясь одно от другого морфологически — мы имеем в виду, конечно, лишь принципиальную сторону дела и оставляем в стороне различия в формантах, ибо различными формантами отличаются одно от другого и отглагольные имена между собою, — причастия и отглагольные имена резко отличаются друг от друга со стороны синтаксической. Так, напр., любое причастие сочетается с деепричастием, напр., письм. *saγužu uḡšiγsan* 'сидя читавший'; в противоположность этому отглагольные имена с деепричастиями несочетаемы: так, напр., *bičig* 'письмо' от *biči-* 'писать' не сочетается с деепричастиями, и сочетания, вроде *saγužu bičig* 'сидя письмо' или *saγužu bičilge* 'сидя писание', невозможны. Конечно, существуют переходные случаи, но о них мы сейчас не говорим. Таким образом мы видим, что здесь морфологический анализ не решает вопроса, который решается анализом синтаксическим, и учета только морфологических признаков недостаточно; необходимы учет синтаксической природы того или иного слова, изучение вопроса о том, могут ли все произвольно выбранные слова, морфологически относящиеся к одной и той же группе, вступать в одинаковые сочетания с теми или другими словами других категорий. Наиболее правильным методом, стало быть, является морфологическо-синтаксический, комбинированный метод, подход к слову одновременно и с морфологической и с синтаксической сторон. Кроме того, не следует игнорировать семантическую сторону. Особенно ярко выделяются в этом отношении местоимения, числительные и некоторые другие части речи. Это открытие не ново, но, к сожалению, такой метод в монгольском языкознании еще не применялся. Этим и только этим объясняется то, что мы дальнейшему изложению предпосылаем вышеприведенные соображения о том, как нами мыслится способ установления частей речи.

Резюмируя, мы даем такое определение части речи, отличной от других: особой, отдельной от других частью речи является слово (точнее категория слов, группа слов), обладающее либо своими специфическими морфологическими признаками, либо своими специфическими синтаксическими признаками (возможность сочетания с другими словами определенных категорий и т. д.), либо обладающее как особыми морфологическими, так и синтаксическими признаками, притом относящееся к определенной семантической группе (напр., название предмета, действия и т. п.).

ИМЯ И ГЛАГОЛ

§ 3. Легче всего разграничиваются имена (пока не будем их разделять на существительные, прилагательные и т. д., так как дело обстоит здесь довольно сложно) и глаголы. В сущности говоря, разграничить имена и глаголы можно, не прибегая к рассмотрению их синтаксической природы и руководствуясь только морфологическими признаками. К тому же они легко разграничиваются и в семантическом отношении.

Чем характеризуются имя и глагол с формальной стороны?

Имя склоняемо, напр., письм. *γar* 'рука' — *γar-un* 'руки' — *γar-tur* 'руке' — *γar-i* 'руку' — *γar-aša* 'из руки' — *γar-ijar* 'рукой' — *γar-luγa* 'с рукой'. Далее, от имени образуются формы множественного числа путем присоединения к основе имени особых суффиксов, напр., *γar-nuγud* 'руки', *degü-ner* 'младшие братья', *eme-s* 'женщины' и т. д. Имя принимает суффикс возвратного, а в живой разговорной речи личного притяжания, напр., письм. *γar-ijan* 'свою руку', разг. *Dün* 'его младший брат'.

Глаголам — имеем в виду глагольную основу, а не именные образования от нее — все это чуждо: глагол несклоняем, от основы его невозможно образование формы множественного числа, а основа глагола не принимает суффиксов притяжания — ни возвратного, ни личного. С этой точки зрения омонимные основы — именная *γar* 'рука' и глагольная *γar* 'выходит' — не имеют ничего общего друг с другом (имеем в виду, конечно, лишь нынешнее состояние языка, оставляя вопрос о связи имени с глаголом в прошлом в стороне): склоняемое *γar* 'рука' — имя, несклоняемое *γar* 'выходит' — глагол. Зато глагол обладает своими морфологическими признаками: глагол спрягаем, образует повелительные, изъявительные, причастные и деепричастные формы, которых не образует имя. И в этом отношении спрягаемое *γar* 'выходит' и неспрягаемое *γar* 'рука' опять в корне отличаются друг от друга. Правда, иногда говорят о якобы существующем спряжении имени, но это спряжение нужно понимать не слишком буквально. Дело в том, что в разговорной речи, напр., бурят, существуют особые предикативные суффиксы, суффиксы сказуемости, с которыми именная форма выражает сказуемое, напр., *axab* ~ *axap* 'я — старший брат', *axaš* 'ты — старший брат', *bayabdi* 'мы малы', *jixet* 'вы велики' и т. д. Имя с предикативным суффиксом выражает состояние другого имени в настоящем времени, и роль такого предикативного суффикса сводится к роли элемента, согласующего именное сказуемое с подлежащим в лице. Аналогичный в русском языке нет и таковыми были бы сочетания типа я — человек я, ты — человек ты и т. д., где вторые я и ты показывают, что лицом понятия человек является то же лицо, что лицо подлежащего, выраженного личным местоимением. Возникли эти предикативные суффиксы из личных местоимений и необходимо отметить, что третье лицо не имеет предикативного суффикса, почему именное сказуемое с нулевой связкой при подлежащем, выраженном местоимением третьего лица или любым именем существительным (употребляем этот термин до выяснения вопроса о существовании этой категории в монгольском), не имеет предикативного суффикса, напр. *tere mü* 'он плох', *ene moriγ mü* 'эта лошадь плоха'.

Кроме предикативных суффиксов настоящего времени существуют еще показатели сказуемого прошедшего времени, напр., бур. *bayaham* 'я был мал', многократности или обычности, напр., *zaxägšab* 'я вообще ленив' или 'я бываю ленив'. Существует даже особый показатель условности, напр., *mūhā* 'если плох', *hainhā* 'если хорош' и т. д. Но эти показатели возникли из соответствующих форм глагола а- 'быть', и таким образом, имя с показателем прошедшего времени представляет собою исторически

сочетание имени со связкой прошедшего времени, т. е. сочетание двух слов. Кажущаяся примитивность языкового строя, при котором имя и глагол не разделяются резко очерченными границами, оказывается в данном случае результатом длительного развития, и в более древние времена в монгольском спряжении имени не было, и нынешним формам, позволяющим условно говорить о спряжении имени, соответствовали синтаксические сочетания имени и глагола (связки).

Имя и глагол оказываются, таким образом, морфологически дифференцированными, и притом очень резко. К сказанному прибавим, что словообразование от имен и глаголов тоже идет своими путями. Хотя и от имени и от глаголов возможно образование как имен, так и глаголов, однако отыменные имена и глаголы образуются посредством особых суффиксов, при помощи которых невозможно образование имен или глаголов от глаголов. Достаточно указать, что от глаголов образуются глаголы побудительные, совместные, взаимные, страдательные и т. д., образование которых от имен невозможно и т. д. Таким образом имя и глагол морфологически дифференцированы очень резко и обладают также своей спецификой со стороны синтаксической: так, напр., чисто-глагольные формы функционируют в предложении только как сказуемое, а имена могут выражать любые члены предложения. Основа глагола, совпадающая с формой повелительной 2-го лица единственного числа, не может выступать в роли определения, дополнения или подлежащего, именная же основа может их выражать.

§ 4. Говоря о том, что имя и глагол в морфологическом отношении дифференцированы очень резко, следует все же указать, что первоначально имя и глагол, вероятно, не были дифференцированы. Прежде всего можно заметить, что существует, правда, не очень значительное, количество глаголов и имен, совпадающих в отношении их основ: повелительная форма 2-го л. ед. ч. ряда глаголов (а повелительная форма 2-го л. ед. ч. совпадает с основой) совпадает с именительным падежом ряда имен; таковы, напр., письм. *šinži* 'примета' и 'наблюдай'; *balγu* 'глоток' и 'набери полный рот воды'; *asxa* 'горная россыпь' и 'рассыпь'; *adxu* 'горсть' и 'захвати в горсть'; *alxu* 'шаг' и 'шагай'. Во всех приведенных случаях мы имеем такие основы, которые, будучи склоняемыми, являются именами, а будучи спрягаемыми, являются глаголами. Не подлежит сомнению, что такие пары, как письм. *alxu* 'шаг' и 'шагай', представляют собой пережитки такой стадии языкового развития, на которой имя и глагол были еще не дифференцированы.

Следующее, что привлекает к себе внимание, это наличие суффиксов, правда немногочисленных, при помощи которых возможны образования как от именных основ, так и от глагольных. Таков, напр., суффикс *-ra* образования глагольных основ как от имен, так и от глаголов: письм. *taγu-ra* 'ухудшаться' от *taγu* 'плохой, худой'; *kōke-re* 'посинеть' от *kōke* 'синий'; *ügei-re* 'обеднеть' от *ügei* 'бедный'; *ōneči-re* 'осиротеть' от *ōnečn* 'сирота'; *ebde-re* 'разрушаться' от *ebde* 'разрушать'; *jadara* 'изнемогать' от *jada* 'не мочь'; *baγu-ra* 'опускаться' от *baγu* 'спуститься' и т. д.

Таков, с другой стороны, суфф. *-sun* образования именных основ как от имен, так и от глаголов: письм. *aduγu-sun* 'скотина' от *aduγun* 'табун, конь'; *aγura-sun* 'домашняя утварь' от *aγura* id.; *nilbu-sun* 'плевок, слеза' от *nilbu* 'плевать' и т. д.

Наличие таких суффиксов, при помощи которых возможно образование имен и глаголов как от именных, так и от глагольных основ, тоже является одним из следов прежней недифференцированности имени и глагола.

Как уже сказано выше, недифференцированность ряда имен и глаголов является, однако, пережитком предыдущей стадии развития языка, а в настоящее время и, судя по древнейшим памятникам XIII—XIV столетий, уже давно имя и глагол являются внешне дифференцированными.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 5. Если разграничение имени в широком смысле слова и глагола не представляло особого труда, то разграничение некоторых категорий внутри имени — дело несколько более сложное.

Очень легко выделяются по внешним признакам числительные в силу того, что им присущи такие формы, которые остальным категориям имен чужды, а именно порядковые, собирательные, распределительные и множительные, напр., письм. *γurban* 'три' — *γurba-duyar* 'третий' — *γurba-γula* 'трое' — *γurba-γad* 'по три' — *γurban-ta* 'трижды'. Выделяет их также семантика.

Числительные количественные, порядковые, собирательные и разделительные склоняемы, как все имена, но множественного числа они не образуют. Правда, от количественных числительных возможно образование множественного числа, напр., разг. *хоjornūt* от *хоjor* 'два', но такие формы множественного числа по значению соответствуют уже русским существительным во множественном числе типа 'двойки', 'тройки' и т. д. Кроме того, формы множественного числа некоторых числительных образуют имена собственные, как, напр., названия некоторых племен: *dörbed* 'дэrbеты' от *dörben* 'четыре'.

Несклоняемыми являются множительные числительные. Существуют слова, стоящие между числительными и именами, условно называемыми нами пока существительными. Таковы, напр., *аѡха* 'начало', от которого возможно порядковое *аѡхадугар* 'первый'; халх. *олог* 'множество, много', от которого имеется собирательная форма *олūлаγ* 'во множестве, много вместе'. О таких именах, образующих промежуточную, переходную категорию, речь должна идти в другом месте. Пока укажем лишь, что образования, типа *аѡхадугар* 'первый', *оланта* 'часто, многократно', *kedūdūger* 'который по счёту', *kedūnte* 'сколько раз' и т. д., появились, вероятно, по аналогии с такими же образованиями от числительных в силу того, что слова *аѡха* 'начало', *олан* 'много', *kedūn* 'сколько' по своей семантике тесно примыкают к числительным, ибо *начало*, *много*, *сколько*, такие же, до известной степени количественные понятия, как *три* или *сотня*.

МЕСТОИМЕНΙΑ

§ 6. Особую категорию внутри имени образуют местоимения, выделяемые нами без труда. Прежде всего эта группа слов обладает особой семантикой: группа слов, заместителей названий предметов, указующих слов, вопросительных слов и т. д.

Морфологически местоимения характеризуются — имеем пока в виду личное и указательное — особенностями в склонении. Дело в том, что присоединение падежных суффиксов к основам имен, условно называемых нами пока существительными, не вызывает каких-либо изменений внутри основы, если не иметь в виду, напр., исчезновение в некоторых падежных формах конечного *n* основы, что наблюдается и в языке монгольской письменности и в живой монгольской речи. Что же касается названных личных и указательных местоимений, то для склонения их характерно чередование основ, напр., *bi* 'я', *minu* 'меня', *nadur* 'мне', *pamaji* 'меня'; *tere* 'тот', *tegünü* 'того', *tegündür* 'тому'. Это — первое внешнее отличие местоимений от остальных имен.

Второе отличие местоимений от остальных имен заключается в особом способе образования множественного числа. В то время как так называемые существительные образуют множественное число при помощи особых суффиксов, присоединяемых к основе, местоимения указательные образуют

формы множественного числа при помощи только им. свойственного форманта *-de*, присоединяемого к корню местоимения, ср. *ene* 'этот' — *ede* 'эти'; *tere* 'тот' — *tede* 'те'. Что же касается личных местоимений, то местоимения первого и второго лица множественного числа представляют собою совершенно иные слова, чем местоимения этих же лиц единственного числа: ср. *bi* 'я' — *bida* 'мы' (включительное) и *ba* 'мы' (исключительное); *ĭi* 'ты' — *ta* 'вы'. Говорить о формах множественного числа личных местоимений, в обычном смысле слова, на наш взгляд, вообще не совсем удобно, ибо *мы* не есть множественное к *я*, так как понятие *мы* включает в себя не множество *я*, но понятие *я* и понятие разных лиц, разных *не я*. Таким образом личные местоимения вообще не имеют формы множественного числа, так как *я* и *мы* не находятся в таких же отношениях как *дерево* и *деревья*: *деревья*, действительно, означает множество предметов, поодиночке называемых *деревом*, а *мы* все же находится в несколько ином отношении к *я*, ибо ни одно *я* не может стать простым множеством. Лишь условно можно признать *мы* множественным числом к *я* и лишь в том смысле, что *я* обозначает одного говорящего, а *мы* — группу говорящих, из которых каждый порознь назвал бы себя *я*, не будучи тождественным другим *я*.

Названные местоимения отличаются от остальных имен еще тем, что их формы именительного падежа никак не совпадают с основой, в то время как форма именительного падежа остальных имен в языке письменности и в живой речи совпадает с основой, если не придавать значения тому, что конечный *n* основы в конечной позиции в номинативе разговорной речи реализуется иногда как *ŋ*, и если отвлечься от того, что в халха-монгольском номинатив многих имен с основами на *n* совпадает со второй основой, основой без конечного *n*.

Формы *bi*, *ĭi*, *bida* (*ba*), *ta* представляют собою не основы, но формы именительного падежа и только его, так же как *ene* и *tere*. Резкая дифференциация именительного падежа личных и указательных местоимений и их основ имеет для правильного понимания ряда синтаксических сочетаний и их осмысления громадное значение.

Если мы возьмем такое сочетание, как *saĭn mori-bar* 'хорошей лошастью', где определение *saĭn* не согласуется в падеже с определяемым и представляет собою форму именительного падежа, совпадающего с основой и с неоформленным падежом, о котором речь будет идти в своем месте, сказать, что представляет собою *saĭn*, — трудно. Сформулировать правило относительно определения при определяемом в косвенном падеже даже невозможно: здесь возможны следующие формулировки: 1) определение имеет всегда форму именительного падежа, либо 2) определение имеет всегда форму неоформленного (неопределенного) падежа, либо 3) определение выражается основой. Если же мы возьмем сочетание *tere mori-bar* 'той лошастью', вопрос сразу же становится ясным: *tere* представляет собою только форму именительного падежа. Отсюда мы получаем формулировку: определение при определяемом в любой падежной форме выражается формой именительного падежа.

Если мы возьмем такое сочетание имени и послелога, как письм. *ayula degere* 'на горе', невозможно решить вопрос о том, управляет ли послелог *degere* формой именительного падежа, или основой, так как и то и другое здесь совпадает. Если же мы возьмем *pama degere* 'на мне', 'на меня', вопрос решается очень просто: мы видим, что послелог *degere* управляет основой местоимения первого лица единственного числа. Отсюда мы даем такую формулировку: послелог *degere* (и аналогичные ему) управляют основой. И тогда окажется, что послелогов, управляющих именительным падежом вообще нет, да и быть не может, так как именительный падеж не может выражать управляемого члена.

Личные местоимения обладают своей спецификой также в области синтаксиса. В то время как подлежащее, выраженное именем существительным, занимает место, как правило, перед сказуемым, подлежащее, выраженное личным местоимением, может занимать в языке письменности место и после сказуемого, напр., *иэšитуᠢᠭ би* 'я читаю', *дэйтүмүл би* 'я почти-точно говорю' и т. д. Результатом этого явилось превращение таких местоимений в роли подлежащего в живой речи некоторых монголов, в личные окончания глагольных форм, напр., *jabanab* 'я иду', *jirebeš* 'ты пришел' и т. д.

Другая синтаксическая особенность заключается в том, что форма родительного падежа личного местоимения значительно чаще занимает место после имени, к которому она относится, чем перед ним, в то время как такое местоположение родительного падежа имени существительного невозможно, ср. *аха мину* 'мой старший брат', но *modunu nabči* (не наоборот) 'листья дерева'. В результате такого местоположения формы родительного падежа личного местоимения появились суффиксы личного притяжания разговорной речи, напр., *ахат* 'мой старший брат', *ахатнаᠭ* 'наш старший брат' и т. д.

Необходимо указать, что постановка генетива личного местоимения после имени и номинатива личного местоимения после глагольной формы (сказуемого) носит отнюдь не факультативный характер, и было бы ошибочно утверждать, что местоимение может произвольно занимать место или перед членом предложения, к которому оно относится, или после него. Дело в том, что местоимение в форме номинатива, занимающее место перед сказуемым — имеем в виду именное сказуемое, — является подлежащим, но это же местоимение в положении после имени, выражающего сказуемое, играет роль своего рода связки, является предикативным элементом. Так, напр., в сочетании *би гөрүгэчин би* 'я — охотник' лишь первое *би* является подлежащим, а второе отнюдь не является плеонастическим повторением подлежащего, но своего рода связкой, показателем лица слова *гөрүгэчин*. Если бы имя *гөрүгэчин* могло спрягаться и образовать форму первого лица единственного числа настоящего времени иначе, чем путем постановки после него *би*, существовала бы соответствующая форма. Наше *гөрүгэчин би* есть не что иное как своего рода первое лицо *praesentis indicativi* слова *гөрүгэчин* 'охотник'. Что же касается чисто-глагольного сказуемого, за которым следует личное местоимение, то в этом случае личным местоимением выражается подлежащее при условии, что оно не повторяет стоящего на своем месте подлежащего.

С другой стороны, форма генетива личного местоимения, поставленная после слова, к которому она относится, выполняет роль, значительно большую, чем выражение обладателя. Если в сочетании *мину аха* 'мой старший брат' *мину* выражает только принадлежность брата мне, то в сочетании *аха мину* 'мой старший брат' *мину*, с одной стороны, выражает то же самое, т. е. обозначает обладателя или владельца брата, но с другой стороны, подчеркивает *аха*, выпячивает его и противопоставляет следующим членам предложения как центральный член, к которому относится все остальное. Форма генетива личного местоимения в таком случае играет роль показателя подлежащего. Действительно, старыми грамматиками монгольского языка уже давно указывалось, что известные слова *ину* и *апи* являются показателями подлежащего. Эти *ину* и *апи* представляют собою формы генетива ныне уже не употребительных местоимений * *i* 'он' и * *a* 'они', из которых первое встречается в старых текстах в формах *dativi-locativi* — *imadur* 'ему' и *accusativi* — *imaji* 'его'. В старых же текстах это *i* часто наблюдается в положении после имен в роли показателя обладателя в третьем лице единственного числа, напр., *oduysan-dur i* 'когда он ушел'

(досл. 'при его уходе'). Формы *inu* и *anu* в настоящее время имеют в известных случаях значение генетива личного местоимения третьего лица, но гораздо чаще они выступают там, где об обладателе даже не может идти речь, напр., *ene žabsar-un üje-dur tus nam anu tuilun čixula toytayal-ud-i yarya-ysan bölüge* 'за этот промежуток времени партия вынесла чрезвычайно важные решения'; спрашивается может ли здесь речь идти о каком-нибудь владельце партии или обладателе ею? Конечно, нет, и *anu* здесь значит не 'его' и не 'их' (т. е. *nam anu* здесь не значит 'его' или 'их партия'), но играет роль показателя подлежащего, роль своего рода *article*, своего рода указующего члена. Такова же роль *anu* в предложении *ene kü bügüde xural-un toytayal anu neitelegdegsen bolxu tula bi tegüni unšixu jabudal ügei* 'в виду того, что постановление этого пленума опубликовано, я не имею оснований зачитывать его.'

Что же касается основной и первоначальной роли *inu* и *anu*, то они служили элементами, содержащими указание на обладателя данного предмета, и эта основная функция их очень ярко выступает еще теперь в противопоставлениях, напр., *jabuysan anu jasu mölžikü, kebtegsen inu kegeliben aldaxu* 'пошедший будет грызть кость, а легший потеряет свое брюхо' (т. е. отоцает): здесь *inu* противопоставляет слово *kebtegsen* 'легший' слову *jabuysan* 'пошедший', но первоначальная функция *inu* здесь проявляется с достаточной яркостью: *их ушедший* (т. е. *ушедший из них* или *тот, кто из них обоих ушел*) *будет грызть кость*, *их легший* (т. е. *легший из них* или *тот из них, кто лег*) *потеряет свое брюхо*. В виду того, что в сочетаниях типа приведенного дело касается, собственно говоря, не владельца *ушедшего* или *легшего*, и в силу того, что обладателя или владельца они не имеют и владельцем как *ушедшего*, так и *легшего* являются *они* (т. е. *ушедший и легший*), и в силу того, что вместе с тем *их* в *ушедший их* (или *ушедший из них*) подчеркивает слово *ушедший* и до известной степени противопоставляет его слову *легший*, *inu* и *anu* чрезвычайно развили свою функцию противопоставляющих элементов, причем в известных случаях второе из этой пары в предложении играет роль противительного союза (*а легший потеряет свое брюхо*); в тех же случаях, когда противопоставлять нечего, они несут функцию элементов, фиксирующих внимание на том слове, за которым они стоят. В тех же случаях, когда владельцем или обладателем предмета, о котором идет речь, является иное лицо, не третье, естественно вводится форма генетива соответствующего личного местоимения *mini*, *čini* и т. д., но всегда на втором, а не на первом месте, если требуется вместе с обозначением лица обладателя подчеркнуть данное слово и поставить его на доминирующее место в предложении.

Ничего подобного мы не видим в отношении имен существительных: генетив существительного никогда не может занимать место после того слова, к которому он относится и никогда не выполняет роли показателя подлежащего или вообще фиксирующего внимание элемента.

В заключение об *inu* и *anu* укажем, что они никогда не встречаются в положении перед именем, к которому они относятся.

§ 7. Категория местоимений вообще довольно мешаная. Мешаный характер ее проявляется в том, что к ней относятся слова, морфологически и синтаксически несколько разнородные. Собственно говоря, местоимениями называют все то, что служит заместителем имени существительного, напр., я в устах *N*, который мог бы себя называть просто по имени. Далее, сюда относятся такие слова, которые служат показателями качества, заключающегося в размещенности предметов относительно к другим в пространстве, напр., *этот*. К этой же категории относятся слова, с которыми говорящий обращается к другим в случаях своей неосведомленности,

напр., *кто*, *какой* и т. п. Категория местоимений составлена из слов, объединяемых семантически: слова эти обозначают не предметы и не конкретные качества. Для местоимений характерно отсутствие абсолютных значений и значения их переменные, напр., *я* наполняется разными конкретными значениями в зависимости от того, кто говорит; *тот* служит характеристикой предмета, который в иных условиях будет иметь характеристику *этот*; *кто*, как вопросительное слово, может относиться к любому предмету и в ответ на него может быть назван любой предмет и т. д.

Кроме личных и указательных местоимений, существуют вопросительные. Что они собою представляют со стороны значения — ясно без особых пояснений: это разные вопросительные слова, вроде *ken* 'кто', *jambar* 'какой' и т. д. От имен существительных они формально мало отличаются: они склоняются по общим правилам, а некоторые из них образуют также формы множественного числа, напр., *ked* 'кто'. Но их отличает от имен существительных способность сочетаться с уступительной частицей *ba*, в каковых сочетаниях это уже не вопросительное, но неопределенное местоимение, напр., *ali ba* 'какой бы то ни было', *ked be* или *ked ber* 'кто бы то ни было', *jambar ba* 'какой-нибудь'. Это отличает их от других местоимений и от имен существительных.

Категория местоимений, как видно, мешаная и морфологически и синтаксически неоднородная. От имен существительных их отличает ряд синтаксических признаков, чуждых имени существительному, признаков, однако, различных для разных категорий местоимений.

Причисляемые к местоимениям слова, вроде *bügüde* 'все', *büküli* 'весь' или 'цельный', *busu* 'другой' и т. д., относятся к местоимениям лишь семантически. Со стороны морфологии и синтаксического употребления они тесно примыкают к тому, что обычно называется существительным и прилагательным, они образуют, следовательно, мешаную, переходную группу.

ИМЯ ПРЕДМЕТНОЕ И КАЧЕСТВЕННОЕ

§ 8. Переходим к вопросу о части речи, соответствующей русскому существительному и об отношении ее к тому, что в грамматике русского языка называется прилагательным.

Существительные и прилагательные отличаются друг от друга в тех языках, где они существуют как особые части речи, целым рядом признаков: многие прилагательные образуют степени сравнения, а существительные их обычно не имеют; прилагательные изменяются, напр., в русском языке по родам, а существительные нет; прилагательные имеют в русском языке полную и краткую формы типа *хороший* — *хорош*, а существительные таких кратких форм не имеют; существительные имеют во многих языках член — *article*, которого прилагательные не имеют; относясь к тому или иному существительному, прилагательное согласуется с ним в числе, роде и падеже, хотя во многих языках такого согласования нет. Перечислять все различия, какие могут существовать между существительными и прилагательными в разных языках излишне и для нас достаточно общего замечания, что для разграничения этих двух частей речи там, где они действительно существуют, имеются достаточно веские основания.

В монгольском языке отсутствуют прилагательные как морфологически отличная от существительного часть речи. Такие слова, как *saṅ* 'хороший', *taṅ* 'плохой' и т. д., не имеют каких-либо внешних показателей или признаков, которые отличали бы их от таких слов, как *morin* 'лошадь', *xarṅu* 'ответ' и т. д. Правда, в таком языке, как халха-монгольский, многие имена с основами, оканчивающимися на *n* в номинативе имеют свой конечный

носовой только в тех случаях, когда данное слово функционирует как русское прилагательное, являясь определением другого слова, напр., халх. *modoŋ ger* 'деревянная юрта', и не имеют этого носового, когда слово употреблено в значении русского существительного, напр., халх. *urta modo* 'длинное дерево'. Но прилагательным *modoŋ* все же не является и представляет собою скорее первый компонент сложного слова, своего рода *compositi*: *modoŋ* и *modo* относятся друг к другу не как существительное к прилагательному, но как слово самостоятельное к слову, представляющему собой первый компонент композита типа английских *iron* (напр., *iron: ironwork*).

В монгольском нет грамматического рода, а поэтому прилагательные не могут выступать в формах мужского, женского и среднего родов. Монгольскому языку чуждо также, как морфологическая категория, образование степеней сравнения. Таким образом нет таких форм, которые можно было бы образовать от прилагательных в отличие от существительных, нет формальных признаков, которыми прилагательные отличались бы от существительных.

Любое имя функционирует в монгольском и как русское существительное и как русское прилагательное. Таковы, напр., *modun* 'дерево' и 'деревянный', *temür* 'железо' и 'железный', *örgen* 'широкий' и 'ширина', *kүйten* 'холодный' и 'холод', *γar* 'рука' и 'ручной' (напр., *γar биш* 'револьвер', досл. 'ручное ружье'), *usun* 'вода' и 'водяной', *altan* 'золото' и 'золотой' и т. д. Как определяемое всякое имя соответствует по значению русскому существительному, как определение — русскому прилагательному. Говорить о существительных и прилагательных, таким образом, не приходится и можно говорить лишь об имени как определении другого и как определяемом. Но определение и определяемое — не морфологические категории, а синтаксические. То обстоятельство, что какое-нибудь слово может выражать два или несколько членов предложения еще не делает это слово одновременно несколькими частями речи.

Так обстоит дело с существительным и прилагательным в монгольском языке. Их нет и когда мы выше условно говорили о существительном, каждый раз оговаривая условность употребления этого термина, мы стремились к необходимому упрощению некоторых наших положений, которые без данных здесь разъяснений были бы не совсем понятными.

Теперь спрашивается: если нет существительных и прилагательных, дифференцированных морфологически, то являются ли все имена однородными со стороны синтаксической? На этот вопрос мы должны дать отрицательный ответ и заявить, что однородными они не являются. Но неоднородность их приводит нас к установлению не существительных и прилагательных, как двух отличных друг от друга частей речи, но к установлению чего-то совсем иного, к установлению двух частей речи, которых в русском языке нет.

§ 9. Выше мы говорили, что установление тех или иных частей речи достигается отнюдь не одним лишь морфологическим анализом соответствующих слов и что весьма существенное значение имеет в этом деле изучение синтаксической природы тех или иных слов. Если внутри интересующих нас имен в монгольском языке мы не можем установить каких-либо категорий путем морфологического анализа, мы все же можем установить их путем изучения синтаксической природы разных имен.

Известно, что, напр., в русском языке имена прилагательные, правда не все, в отличие от существительных могут сочетаться с наречиями, срзными усилительными словами, напр.: *страшно сильный, замечательно красивый, удивительно умный, весьма значительный, очень большой* и т. д. В то время как сочетания приведенных типов реально существуют в языке,

сочетания, вроде *очень дерево, замечательно лошадь, страшно мороз, очень сила* и т. д., не существуют.

Если подойти с точки зрения сочетаемости или несочетаемости тех или иных монгольских имен со словами, вроде *maši* 'очень', *neḡ* 'весьма', *ülemḡi* 'весьма, отменно' и т. п., то можно установить, что такие имена, как *saḡn* 'хороший', *maḡu* 'плохой', *ḡa* 'красивый', *seḡen* 'мудрый', *mergen* 'меткий, мудрый', *jeke* 'большой', *baḡa* 'маленький' и т. д., с вышеприведенными и подобными им усилительными словами — назовем их пока так, не разрешая вопроса о том, какую часть речи они образуют — сочетаемы, в то время как *morin* 'лошадь', *ger* 'юрта', *modun* 'дерево' и т. п. с ними сочетаться не могут.

Приводим список имен, сочетающихся с *maši* и тому подобными словами: *m. saḡn* 'очень хороший', *m. maḡu* 'очень плохой', *m. ḡa* 'очень красивый', *m. türgen* 'очень быстрый', *m. ḡni* 'очень давний', *m. ḡola* 'очень дальний', *m. jeke* 'очень большой', *m. teneg* 'очень глупый', *m. ḡeber* 'очень чистый', *m. ulayan* 'очень красный', *m. udayan* 'очень долгий', *m. urtu* 'очень длинный', *m. ḡrgen* 'очень широкий', *m. uḡtan* 'очень узкий', *m. ḡndür* 'очень высокий', *m. xalayun* 'очень горячий', *m. xurḡa* 'очень острый' и т. д.

В живой монгольской речи мы находим такие же слова, напр., *jixe haḡn* 'очень хороший', *egḡe jixe* 'самый большой', *maši goḡi* 'очень красивый', *maši xurday* 'очень быстрый', *degḡd ikḡ* 'очень большой', *degḡd sākn* 'очень красивый' и т. д.

Что следует из того, что существуют в языке слова двух категорий, из которых одни входят в те или иные сочетания, а другие нет? Несомненно, то, что в данном случае мы имеем дело с двумя различными категориями, которые нельзя смешивать и которые необходимо строго различать.

Идя дальше, мы можем заметить, что те имена, которые сочетаются с усилительными словами типа *maši*, могут управлять некоторыми косвенными падежами, которыми имена, не сочетающиеся с усилительными словами, управлять не могут. Другими словами, имена, сочетаемые с усилительными словами, могут иметь управляемое ими дополнение, напр., в аблативе и в инструменталисе, напр., *tegün eḡe jeke* 'больше его', *ḡima-aḡa baḡa* 'меньше тебя', *mal-ijar bajan* 'богатый скотом' и т. д., между тем как *morin* 'конь', *ger* 'юрта', *kütün* 'человек', *temür* 'железо' и т. д. не могут иметь управляемого ими, от них зависящего дополнения; так, напр., невозможно сочетание *tegün-eḡe temür* 'железо от него', *ḡima-aḡa beleg* 'подарок от тебя', *mal-luḡa kütün* 'человек со скотом' и т. д. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о коренном различии, существующем, напр., между *jeke* 'большой' и *kütün* 'человек', обладающими разной синтаксической природой.

Весьма важным признаком этих же сочетающихся с *maši* и тому подобными усилительными словами имен является еще то, что в роли прямого дополнения они встречаются только в форме аккузатива и не встречаются в форме *casus indefinitus*, весьма частой форме прямого дополнения, выражаемого именами, не сочетающимися с *maši*, и т. п. В то время как сочетания, вроде *ger barimuḡi* 'строит юрту', *nom uḡḡimuḡi* 'читает книгу', в которых прямое дополнение выражено формой индифинита, принадлежат к наиболее распространенным, сочетания, типа *maḡu alamuḡi* 'убивает плохого' или *jeke üḡebeḡi* 'видел большого', невозможны и возможны лишь сочетания с формой аккузатива, напр., *maḡu-ji alamuḡi* 'убивает плохого', *jeke-ji üḡebeḡi* 'увидел большого' и т. д. Что же касается таких сочетаний, как *saḡn üḡebeḡi*, то значение последнего — 'смотрел хорошо' или 'видел хорошо': здесь имя в форме индифинита является приглагольным определением или обстоятельством образа действия, но не дополнением. В качестве еще одного

примера имени, сочетающегося с усилительными словами, выступающего в роли прямого дополнения обязательно в форме аккузатива, приведем разговорное *ünegeniṣ šarig xal' ünī xarig alaṣi jawana* 'идет и убивает наижелтых из лисиц, наичерных из выдр': подстановка на место форм *šarig* и *xarig* форм индефинита здесь совершенно невозможна. Очень важным обстоятельством является как раз то, что при глаголе (включая причастные формы его) такие имена, как *saṣn* (сочетается с *maši*), в этой форме являются не дополнением, но определением, соответствуя русскому обстоятельству образа действия, напр., *saṣn jawarā* 'счастливого пути' (досл. 'иди хорошо'). Наконец, можно установить, что среди имен, сочетающихся с усилительными словами, имеются такие, которые могут образовать редуцированную форму. Редупликация заключается в том, что первый слог данного слова удваивается, повторяется — получается нечто вроде приставки, префикса, причем в исходе этого префикса возникает согласный *b*. Таким образом, если первым слогом данного слова является *xa*, то префиксом является *xab* и т. д., напр., *xab xara* 'совершенно черный', *šib šira* 'совершенно желтый', *kōb kōke* 'совершенно синий', *ub ulayan* 'совершенно красный', *ob olan* 'очень много' и т. д. Мы видим, что в данном случае известная группа имен отличается от других способностью образовывать особые формы или сочетания, несвойственные прочим именам.

Теперь остается решить вопрос о том, какие же части речи представляют собою, напр., сочетающиеся с усилительными словами *bajan* 'богатый', могущее иметь при себе дополнение (*mal-ijar*) и, скажем, *modun* 'дерево', не сочетающееся с усилительными словами и не могущее иметь при себе дополнение. Имеем ли мы здесь дело с прилагательным и существительным? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ и вот почему. Дело в том, что сочетающиеся с усилительными словами имена, вроде *bajan*, употребляются в значении как русского прилагательного, так и существительного: *kūṣten* значит не только 'холодный', но и 'холод'; *jeke* значит не только 'великий', но и 'величина'; *saṣn* значит не только 'хороший, благой', но и 'доброта, благо'. Это — с одной стороны, а с другой стороны, что для нас гораздо важнее, они могут выражать не только определение, но и дополнение, подлежащее и сказуемое, напр., *bi tere kümün-ü saṣn-i yaixamuṣi* 'я поражен добротой этого человека', ср. еще *eldeb maṣu-ji üṣebe* 'испытал всякое зло'. Что же касается имен, не сочетающихся с усилительными словами, то и они по значению соответствуют как русским существительным, так и прилагательным, напр., *temür* 'железо' и 'железный', *modun* 'дерево' и 'деревянный', *ebesün* 'сено' и 'сенной' и т. д., и они могут тоже выражать как определение, так и любой другой член предложения. Как видно, с этой стороны слова *saṣn* и *temür* совершенно одинаковы, и различия, существующие между ними, совсем иного порядка, нежели различия между русскими существительными и прилагательными. Таким образом эти две части речи не могут быть так просто и безоговорочно названы существительным и прилагательным. Поскольку эти две части речи весьма сильно отличаются от русского существительного и прилагательного и поскольку в точности соответствующих им частей речи в русском языке нет, мы их называем не существительным и прилагательным, но именем предметным и именем качественным.

Значение имени предметного: 1) предмет и 2) предмет как признак другого предмета или качество, абстрагированное от данного предмета, напр.: *железо* и *железный*, *вода* — *водяной*, *коза* — *козий* и т. д.

Значение имени качественного: 1) признак какого-нибудь предмета и 2) «опредмеченный» признак, напр.: *добрый* — *доброта*, *злой* — *зло*, *черный* — *чернота*, *белый* — *белизна*. Имя предметное является одно-

временно и существительным и прилагательным, точно так же как имя качественное является одновременно и существительным и прилагательным. Обладая одновременно признаками и существительного и прилагательного, имена предметное и качественное отличаются одно от другого целым рядом вышеперечисленных, только каждому из них присущих признаков со стороны синтаксиса. Таким образом эти две части речи являются специфическими для монгольского, и аналогий, напр., в европейских языках они не имеют.

Как видно, наши предметные и качественные имена представляют собой совсем не то, чем являются предметные и качественные имена у Бобровникова. Этот выдающийся монголовед был на правильном пути, он правильно заметил, что одни имена отличаются от других специфическими особенностями, и установил две категории их, но в основу своей классификации имен на предметные и качественные он положил несущественный признак. На стр. 53 своей грамматики он указывает на то, что качественные имена могут употребляться в значении русских существительных и прилагательных, а предметные не могут заменить русское прилагательное, «не изменив своей формы». Он говорит, что можно сказать *saɣn kümün* 'хороший человек', но нельзя сказать *medel kümün* 'знающий человек' (следует *medel-tei kümün*). Это, конечно, правильно, но не это существенно.

Бобровников упустил из виду такие пары, как *saɣn kümün* 'хороший человек' и *modun ger* 'деревянный дом', упустил из виду сочетания *maši saɣn kümün* или *jeke saɣn kümün* 'очень хороший человек' и невозможность сочетания *maši modun ger* 'очень деревянный дом'; упустил из виду сочетание *tegün-eče jeke* 'больше его' и невозможность сочетания *tegün-eče altan* 'золотистее его'; упустил из виду сочетание *mal-ijar bajan* 'богатый скотом' или *moɣol kelendür saɣn* 'понимающий толк в монгольском языке' (досл. 'в монгольском языке хороший'); упустил из виду сочетание типа *saɣn uɣši* 'читай хорошо', которые не могут восприниматься как 'читай хорошее' в противоположность *nom uɣši* 'читай книгу' (без показателя аккузатива) и т. д.

§ 10. К именам примыкают слова, соответствующие наречию русского языка. Это слова, выражающие различные пространственные и временные понятия, имеющие то общее с именами, что они допускают частичное склонение их. С этой точки зрения это — имена, но отличаются они от выше-разобранных категорий имен значительно меньшей изменяемостью. Различные грамматики их называют наречиями, частицами и т. д., объединяя в одну группу весьма разнородные части речи. В виду сложности вопроса о наречии и о других частях речи, ошибочно объединявшихся вместе с ними в одну группу, мы здесь не будем разбирать его и специально вернемся к нему в дальнейшем, теперь же перейдем к глаголу и к классификации его форм.

ГЛАГОЛ

§ 11. Что глагол представляет собою часть речи, отличную от имени или вернее от всех именных частей речи, мы видели выше. Нам остается произвести лишь более подробный обзор форм, образуемых глаголом. Мы не будем рассматривать словообразование, т. е. образование от глагольных основ имен и других глаголов, но займемся вплотную спряжением.

По своим синтаксическим функциям формы глагола могут быть разбиты на три основные группы: 1) формы, функционирующие только как сказуемое законченного предложения; 2) формы, функционирующие как любой член предложения; 3) формы, в основном функционирующие как определение при глагольном сказуемом.

К первой группе относятся формы изъявительные (индикативные) и повелительные (императивные).

Изъявительные формы функционируют только как сказуемое законченного предложения и выражают действия (в широком смысле, включая и состояния, хотя последние лишь с натяжкой могут рассматриваться как действия), совершаемые в настоящем, будущем и прошедшем временах.

Для языка монгольской письменности характерна «безличность» спряжения: изъявительные формы содержат указания лишь на время совершения действия и не содержат указаний на лицо деятеля. Таким образом каждое время (*tempus*) имеет только одну форму, выражающую сказуемое при подлежащем в форме единственного и множественного числа и при подлежащем, выражаемом местоимением любого лица, напр., *jabumuᠭ* 'иду, идешь, идет, идем, идете, идут'.

В разговорной речи некоторых монголов существуют особые личные показатели: таковыми являются суффиксы местоименного происхождения, напр., 1-е л. ед. ч. *-b* < *bi* 'я', 2-е л. ед. ч. *-š* < *či* 'ты', 1-е л. мн. ч. *-bdi* < *bide* 'мы', 2-е л. мн. ч. *-t* < *ta* 'вы'. 3-е лицо обоих чисел личных показателей, как правило, не имеет нигде. Несмотря на существование в живой разговорной речи личных показателей, спряжение там принципиально отличается от спряжения, напр., в русском языке, для которого характерно образование особых форм, в которых *tempus* и лицо имеют одно окончание. Одно и то же окончание одновременно выражает понятие и времени и лица, напр., *иду*, где понятие настоящего времени и первого лица выражены одним элементом.

Изъявительные формы соединяются с отрицанием, а также могут встречаться в вопросительной конструкции. Последнее их отличает от повелительных и подавляющего большинства деепричастных форм. Говоря об отрицании при изъявительных формах, следует указать, что в этом отношении в языке письменности и в разговорном наблюдается известная пестрота. В языке письменности отрицанием являются *ese* и *ülü*, напр., *ese irebeᠭ* 'не пришел', *ülü medemüᠭ* 'не знает' и т. д. В разговорном халха-монгольском языке изъявительные формы с отрицанием соединяться не могут и место изъявительных форм в отрицательной конструкции заступают причастные формы с отрицанием, напр., *jawana* 'пойдет', *jawaxa шг^ш* 'не пойдет'. Таким образом в отрицательных предложениях в халха-монгольском языке сказуемое может быть только именным (причастным).

Изъявительные формы, как все глагольные формы, сочетаются с деепричастиями, напр., *u᠋ᠰᠢᠵᠢ saᠭumuᠭ* 'сидит читая', а изъявительные формы вспомогательных глаголов сочетаются, кроме того, с причастиями, играя роль связки, напр., *üküᠭsen baᠭmuᠭ* 'умер', 'мертв' (досл. 'есть умерший').

Говоря о временах (*tempora*) следует указать, что определение изъявительных форм как форм, выражающих действия, совершаемые в то или иное строго определенное время, неточно и не совсем даже правильно.

В языке монгольской письменности имеются три формы, условно называемые формами настоящего и будущего времени и столько же форм, относимых к разряду форм прошедшего времени.

Суффиксы образования этих форм следующие:

Наст.-буд. вр.	Прош. вр.
<i>-muᠭ</i>	<i>-ba</i> (~ <i>-baᠭ</i>)
<i>-pat</i>	<i>-luᠭa</i>
<i>-ju</i>	<i>-ᠵихиᠭ</i>

Рассматривая эти формы, мы прежде всего замечаем, что количество форм настоящего и будущего времени пропорционально таковым прошедшего времени: и тех и других по три. С другой стороны, можно заметить,

что формы настоящего времени и будущего времени не дифференцированы. Таким образом устанавливается, что разные времена (tempora) не всегда передаются разными формами и что одни и те же времена иногда передаются разными формами. Отсюда вытекает как бы само собою, что формы эти имеют не только темпоральный характер, а подчас даже не столько темпоральный, сколько другой, который следует точнее определить. Сопоставляя формы настоящего и будущего времени на *-tuḷ* и *-ju*, можно указать, что форма на *-tuḷ* является исключительно формой констатации, напр., *xura orumuḷ* 'идет дождь', *olan kūmün jabumuḷ* 'идет множество людей', *nōkūr maryaši iremüḷ* 'товарищ придет завтра', а форма на *-ju* является формой выводов из предыдущего, формой заключений, напр., *nigūltu üiles-eče ḡobalaṇ tōrūjū* от дурных дел рождается страдание' (Bodhicaryavatāra, текст XIV ст.), *xola kemeṇ būi cōke, jabubasu kūrūjū* 'не отчаивайся от того, что далеко: пойдешь и достигнешь'. Что касается формы на *-nam*, то она вообще мало свойственная языку письменности и по значению, повидимому, теперь совпадает с формой на *-tuḷ*. С формами настоящего времени дело обстоит, следовательно, так: одна форма выражает сказуемое законченного предложения, содержащего лишь констатацию факта или действия, вне связи с предыдущим; другая же форма выражает сказуемое тоже законченного предложения, но содержащего не простую констатацию, но известный вывод из предыдущего. Форма на *-ju* выражает сказуемое лишь таких предложений, которые выражают известные суждения и мысли, поставленные в известную, установленную говорящим связь с фактами, о которых речь шла в предыдущем контексте.

Приблизительно так же обстоит дело с формами прошедшего времени: форма на *-ba* или *-baḷ* выражает законченное действие, совершившееся в прошлом и имеет с формой настоящего и будущего времени на *-tuḷ* то общее, что она служит лишь для констатации чего-либо, не выражая субъективного отношения говорящего к фактам; вторая форма, форма на *-luṡa*, выражает действие, совершившееся в прошлом или стоящее на грани между прошедшим и настоящим временами, при этом, однако, обязательно такое действие, которое является достоверным и общеизвестным фактом; третья форма, форма на *-ḡixuḷ*, выражает действие, совершившееся в прошлом и уже наличествовавшее к тому времени, к которому относится содержание данного контекста, и вместе с тем такое действие, которое является до известной степени чем-то непредвиденным, нечаянным, непредусмотренным.

Итак, разница между формами прошедшего времени такова: первая форма — форма констатации, обычная форма повествования, вторая форма — форма сообщения общеизвестного факта, напоминания о нем, третья форма — форма сообщения факта, оказавшегося налицо к тому времени, к которому относится содержание контекста, притом эта форма имеет некоторый оттенок значения непредвиденности. Характерной особенностью изъяснительных форм монгольского спряжения является то, что формы эти содержат не только указание на время совершения действия, но и на отношение говорящего к ним, как к действиям, связанным причинными связями с предыдущим контекстом, как к действиям непредвиденным, т. е. совершающимся до известной степени вопреки предыдущему и т. д.

§ 12. Следующую группу глагольных форм образуют повелительные формы (в широком смысле, включая формы пожелания), которые иначе можно назвать формами обращения.

Повелительная форма второго лица единственного числа совпадает с основой глагола, напр.: *jabu* 'иди!', *saṡu* 'сядь!' Существуют особые повелительные формы третьего лица, второго лица будущего времени (в живой

разговорной речи), первого лица, особые формы вежливого обращения и т. д. Не перечисляя здесь суффиксов их образования, укажем лишь, что эти формы отличаются от изъявительных прежде всего со стороны семантики. С формальной стороны их отличает характерное для них отрицание, вернее запретительная частица *büi*.

§ 13. Особую категорию образует причастие. Это — категория форм, имеющих много общего как с глаголом, так и с именем. От глагольных форм (изъявительных, повелительных) причастия отличаются тем, что они могут выражать любой член предложения — подлежащее, сказуемое, определение, дополнение. Таковы письменно-монгольские причастия: настоящего времени на *-γči*, многократное на *-daγ*, настоящего-будущее на *-хи*, прошедшего времени совершенного на *-γsan* и прошедшего времени несовершенного на *-γa*, которые выражают и подлежащее, и сказуемое, и определение и дополнение. Исключение представляет собою лишь ныне неупотребительное причастие настоящего времени на *-uī*, существовавшее еще в языке письменности до XVII столетия и ныне сохранившееся лишь от некоторых глаголов, напр., *γaruī* 'превышающий' и т. д., которое засвидетельствовано в роли определения, дополнения и сказуемого, между тем как в роли подлежащего встречается только форма *buī* 'существующий, существование, есть'. Способность выражать любой член предложения относит причастия к именам. Как все имена, так и причастия склоняемы. Форму множественного числа образуют, однако, далеко не все в равной мере часто. Причастия принимают суффикс возвратного притяжания, а в живой речи также суффикс личного притяжания, напр., письм. *uṃšiγsan-i-jaṃ* 'свое читанное', халх. *uṃšidagan* 'его неоднократное чтение' ('то, что он все почитывает').

Относясь к именам, причастия, однако, не являются чем-то вроде глагольного прилагательного, как в русском языке. Прежде всего монгольскому чужда категория прилагательного. Причастия примыкают к качественным именам. Это видно из того, что они, как и качественные имена, сочетаются с усилительными словами, напр., *-jekede bajasuγsan* 'сильно обрадовавшийся', *maši žobayṣan* 'весьма страдавший', сохраняя вместе с тем связь с глаголом, для всех форм спряжения которого характерна способность сочетаться с усилительными словами.

Имея общее с именем, точнее с качественным именем, причастие, однако, отличается от последнего рядом специфических черт и образует отдельную категорию, в частности, от отглагольных имен. От отглагольных имен его отличает со стороны синтаксической способность сочетаться с деепричастиями; в то время как сочетания, типа *surču bolbasural* 'совершенствование учась', невозможны, сочетания, вроде *surču bolbasurayṣan* 'усовершенствовавшийся учась' или *uṃšižu saγuγči* 'читая сидящий', чрезвычайно распространены. Правда, изредка встречаются сочетания отглагольного имени с деепричастием, но это по большей части сочетания по аналогии, и исчерпываются они немногочисленными случаями, вроде *ažu uīledbüri* 'промышленность', в состав которого входит уже неживая деепричастная форма *ažu* 'будучи' от *a-* 'быть' и *uīledbüri* отглагольное имя от *uīled-* 'делать производить'.

Монгольское причастие отличается от причастий ряда других языков по значению тем, что монгольские причастия выражают не только качества (напр., *читающий*), но и процессы (напр., *чтение*).

Причастия играют большую роль в разговорной речи в том отношении, что они почти полностью вытеснили многие изъявительные формы. Кроме того, многие изъявительные формы там являются по своему происхождению причастиями, принявшими в качестве личных показателей (там, где таковые имеются) предикативные суффиксы.

Весьма большую роль играют причастия еще в том отношении, что значительно количеству различным типам придаточных предложений других языков в монгольском соответствуют особые причастные конструкции. Логическое сказуемое такого «придаточного предложения» оказывается выраженным причастием в той или иной форме косвенного падежа, в зависимости от того, к какой связи такое «предложение» находится от последующего, а логическое подлежащее оказывается выраженным именем в форме генетива, напр., *žam-un oira niyuydaysan žerig-ün aŋgi uruγši debšin buudaysan-dur dajsun-u eteged emüne žüg dutayabaḡ* 'когда [монгольская] воинская часть, скрывавшаяся близ дороги, выступила вперед и открыла стрельбу, противник обратился в бегство по направлению на юг' (досл. 'при стрельбе, продвигаясь вперед, отряда, скрывавшегося близ дороги, противник бежал на юг'). Как видно, этого типа причастные конструкции стоят далеко от соответствующих по смысловому содержанию придаточных предложений, напр., русского языка. Придаточное предложение здесь получается, собственно говоря, лишь в переводе на русский язык. Предложение *когда мы были там, случилось то-то и то-то* по-монгольски передается предложением *в наше там бытие случилось то-то*. Но от русских предложений, вроде *в нашу бытность там случилось то-то*, монгольские семантические эквиваленты отличаются тем, что русскому существительному *бытность* соответствует причастие того времени, которое требуется по общему контексту и, если русское *бытность* не содержит указаний на то, в каком времени локализуется эта *бытность* (бытность сейчас, в прошлом и т. д.), причастие в монгольском предложении содержит в себе указание на время.

Как видно, причастия играют в монгольском предложении несколько иную роль, чем в современном русском языке. Они употребляются особенно часто предикативно, и конструкции с ними заменяют собою некоторые виды придаточных предложений других языков. В связи с последним замечанием укажем, что синтаксис живой разговорной речи в некоторых диалектах знает придаточные предложения, в которых сказуемое выражено изъявительной формой или именем и в которых имеется союз, типа *mede xada* 'если знал'. Исторически, однако, такие придаточные предложения являются такими же причастными конструкциями, как вышеприведенные: дело в том, что союз *xada* представляет собою исторически форму датива-локатива с возвратным притяжением причастия **axi* от *a-* 'быть' и значит 'в своем бытие'. Следовательно, *mede xada* 'если знал' имело первоначально значение 'в своем бытие знающим'.

§ 14. К глагольным образованиям относятся также деепричастия. Деепричастия имеют многое от глагола, но вместе с тем они обладают рядом специфических черт.

Категория деепричастия обнимает формы довольно неоднородные. Общей для них является одна черта, а именно, что эти формы, выражая второстепенные действия, сопутствующие главному, уточняющие или специализирующие его, сами по себе не выражают времени в противоположность, напр., причастиям. Неоднородность их заключается, между прочим, в том, что одни из деепричастий выражают второстепенные действия, являющиеся обстоятельствами (времени, образа действия и т. д.) к главному. Другие же выражают не столько обстоятельства, сколько сопутствующие действия, связанные с главным. В языке монгольской письменности все деепричастия неизменяемы, т. е. не принимают каких-либо суффиксов. В живой речи некоторые из них допускают частичное склонение их, а также присоединение к ним личных показателей в виде личных или возвратного притяжений. Сюда принадлежат, однако, лишь немногие деепричастия, образующие переходную группу.

Неизменяемость деепричастных форм и их характер, форм, которые не могут выражать сказуемое законченного предложения, но связанных с другими, выражающими законченное действие, признак и т. д., составляют то общее, что объединяет деепричастные формы.

Имея в этом отношении много общего, деепричастия, однако, являются вместе с тем неоднородной группой или категорией.

Отличия одних деепричастий от других — мы имеем в виду принципиальные отличия — не могли не обратить на себя внимание исследователей. Ковалевский в своей грамматике определяет деепричастие как «отглагольное наречие, посредством коего выражается постороннее действие предмета, происходящее при главном действии оно́го» и устанавливает деепричастия двух времен: настоящее на *-n* и *-ǰu* и прошедшее на *-γad* (цит. соч., стр. 106—107). Далее Ковалевский говорит, что «для выражения союзных пока, между тем как дают особую форму глагола, присоединяя к корню оных частицы тала, тэлэ» (цит. соч., стр. 107—108). Наконец, Ковалевский говорит о супине на *-ra* (стр. 108). Что же касается остальных форм, которые впоследствии стали включать в группу деепричастий, то Ковалевский их деепричастиями не считает, а относит, напр., форму на *-basu* к условному наклонению, форму на *-rui* он считает формой 3-го лица прошедшего несовершенного времени изъявительного наклонения, форму на *-γsaγar* он рассматривает как форму орудного падежа причастия на *-γsan*.

Итак, к деепричастиям Ковалевский относит формы на *-n*, *-ǰu*, *-γad*.

Нетрудно установить, что эта классификация форм совпадает довольно точно с классификацией Шмидта: Шмидт тоже говорит о трех деепричастиях (на *-n*, *-ǰu*, *-γad*), о супине (на *-ra*), об условном наклонении (на *-basu*), об особой форме *gerundii* (на *-tala*).

Бобровников все эти формы объединяет под общим наименованием деепричастий (цит. соч., стр. 139 и сл.). Так же поступает и Попов (цит. соч., стр. 140 и сл.).

Начиная с Бобровникова, формы, обычно относимые к категории деепричастий, перестали относить к разным категориям или так или иначе разбивать их на группы. Лишь начиная с Рамстедта, стали их опять делить на группы, но по совершенно иным признакам чем те, которыми руководствовались Шмидт и Ковалевский.

Шмидт и Ковалевский исходили в своей классификации, как видно, из семантики форм, относя к деепричастиям лишь такие формы, которые выражают действия, совершающиеся одновременно с главным или являющиеся совершившимися к моменту начала главного и которые соответствуют русским деепричастиям настоящего и прошедшего времени. Остальные деепричастия, которым в переводе на русский язык соответствуют разного типа придаточные предложения, они относят к особого типа формам и присваивают им особые названия супина, условного наклонения и т. д.

Было бы несправедливо упрекать Шмидта и Ковалевского в голом подражании в этом пункте грамматике русского языка и в выделении в группу деепричастий этих форм только на том основании, что в русском языке их семантические эквиваленты являются деепричастиями, ибо формы, выделяемые ими в категорию деепричастий, действительно отличаются от остальных деепричастий и обладают в монгольском своей спецификой. Последняя, однако, не была до конца понята и раскрыта названными исследователями.

Начиная с Рамстедта, деепричастия стали опять делить на группы. Таких групп Рамстедт установил две — истинные и фиктивные деепричастия. К истинным деепричастным (конвербиальным) формам были отнесены те, которые восходят к разным падежным формам различных глагольных

имен, причастий и т. п., а к фиктивным были отнесены те, которые восходят не к именным, но к глагольным формам.¹

Как видно, эта классификация деепричастных форм весьма сильно отличается от схемы Шмидта и Ковалевского. В чем их отличия? Шмидт и Ковалевский классифицируют деепричастия по синтаксическим признакам, а Рамстедт, тоже исходящий в своем исследовании из синтаксической природы форм, классифицирует их, в конце концов, все же в аспекте истории языка.

Обе классификации имеют права гражданства, но нужно заметить, что деление деепричастий на фиктивные и истинные для понимания синтаксического употребления соответствующих форм ничего не дает. Любопытно, что фиктивные деепричастия (*converbum conditionale*, *converbum concessivum*) обнаруживают в синтаксическом отношении сходство как раз с большинством истинных и, наоборот, слитное, соединительное и разделительное, относимые к истинным деепричастиям, от остальных как раз отличаются. Одним из основных отличий деепричастий слитного, соединительного и разделительного от остальных является то, что логическое подлежащее соответствующих деепричастных оборотов, в случае если оно не совпадает с подлежащим всего предложения, имеет форму номинатива только при слитном, соединительном и разделительном деепричастиях, а при всех остальных оно в таких случаях имеет форму генетива или даже аккузатива.

В связи с этим возникает у нас вопрос, которой же классификации следует дать предпочтение?

Когда заходит речь о частях речи и выдвигается задача установления их, задача эта может пониматься только как установление таких частей речи, которые реально существуют в языке в его нынешней стадии развития. Грамматика ни в коем случае не должна подменяться историко-лингвистическим исследованием. Исторической грамматике должно быть отведено самостоятельное место. Поскольку язык развивается и движется в своем развитии вперед, поскольку одни формы в нем отмирают, а другие возникают, поскольку те или другие формы наполняются новым содержанием и начинают с течением времени функционировать иначе и приобретать новые признаки, — совершенно естественным является то, что прежние глагольные формы могут стать впоследствии деепричастными. Но спрашивается, в праве ли мы, классифицируя современные формы языка, разбивать их на группы, исходя не из того, что они представляют собою теперь, но из того, что они представляли собою прежде? Историзм, учет прошлого и всего хода развития форм является, безусловно, положительной стороной каждого лингвистического исследования. Однако нельзя забывать того основного положения, что все развивается, что ничто не стоит на месте и что в результате длительного процесса развития может получиться прямая противоположность того, что было в самом начале процесса. И спрашивается, целесообразно ли некоторые деепричастия относить к фиктивным только на том основании, что они имеют глагольное, а не именное происхождение, если во всех отношениях они принципиально от остальных не отличаются? На наш взгляд это не целесообразно.

Итак, деепричастные формы можно разбить на две группы. К первой относятся деепричастия слитное, соединительное и разделительное. Ко второй относятся деепричастия предварительное, совместное (предела), продолжительное, условное и уступительное.

¹ G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1903, стр. 55—56.

НАРЕЧИЕ И ПОСЛЕЛОГ

§ 15. Внутри имени в широком смысле этого слова выделяются еще имена, выражающие различные пространственные и временные понятия, отличающиеся от остальных имен значительно меньшей изменяемостью, чем последние. Таковы имена, выражающие пространственные отношения, как, напр., письм. *ende* 'здесь', *tende* 'там', *xamiya* 'где' и т. д.; таковы имена, выражающие временные понятия, как, напр., письм. *kežiije* 'когда', *edüge* 'теперь', *tuyar* 'давеча' и т. д.

Что сближает такие слова с именами? Прежде всего они склоняемы, но в отличие от предметных и качественных имен каждое из таких имен имеет весьма неполный ряд падежных форм, напр., письм. *ende* 'здесь' — *ende-eče* 'отсюда' (остальные падежные формы отсутствуют), халх. *xežē* 'когда?' — *xežēni* 'какого времени?' — *xežēnēs* 'с какого времени?' (остальные падежные формы отсутствуют).

Очень многие из них, именно те, которые выражают пространственные понятия, принимают в языке письменности суффикс возвратного притяжания, напр., *tende-ben* 'там у себя', а в разговорной речи, кроме того, суффиксы личного притяжания, напр., *endešni* 'здесь у тебя', *tendetnā* 'там у вас' и т. д.

В живой разговорной речи имена, выражающие пространственные понятия, принимают иногда также предикативные суффиксы и выражают тогда сказуемое, напр., *endeb* 'я здесь'.

Таковы морфологические признаки, сближающие такого рода слова с именами.

От имен предметных и качественных их отличает прежде всего неполнота их склонения: такие имена, выражающие пространственные понятия, могут образовать лишь падежи местонахождения, конкретно аблатив, ибо «имена» эти сами по себе, т. е. их основы, по своему значению являются формами датива-локатива, отвечая на вопросы «где?», «куда?». «Имена», выражающие временные понятия, образуют преимущественно форму генетива, иногда инструменталиса, напр., *xežē* 'когда' — *xežēni* 'какого времени', *odō* 'теперь' — *odōyōr* 'об эту пору' и т. д. Далее, от имен предметных их отличает неспособность образовать формы множественного числа. Одним из самых ярких отличительных признаков имен, выражающих пространственные понятия, является способность их образовать две формы, несвойственные именам предметным или качественным, — это форма с суффиксом *-ši* или *-yši* на вопрос «куда?» и форма с суффиксом *-yur* (в живой речи *-ūr*) на вопрос «вдоль чего?», напр., письм. *xamiya* 'где?', *xamiyaši* 'куда?', халх. *tē* 'сторона', *tēši* 'в сторону', *urda* 'впереди' — *urdūr* 'вперед', 'по передней стороне' и т. д.

По своему происхождению эти имена представляют собою разрозненные формы косвенных падежей ныне неупотребительных и самостоятельно несуществующих основ, а именно особые формы датива-локатива на *-da* (*-de*) или *-a* (*-e*), напр., *en-de* 'здесь', *etün-e* 'впереди', к которым имеются формы аблатива, вернее от которых возможно образование формы аблатива, напр., *ende-eče* 'отсюда'. Хотя основы таких слов самостоятельно уже не существуют, они все же выделяются без труда. Характерно, что к таким образованиям, как разг. *c'āna* 'по ту сторону' имеются особые формы на *-ūr* и на *-ši* не от *cāna*, но от *cā*, напр., *cāyūr* 'по той стороне', *cāši* 'туда', 'в ту сторону, дальше'. Некоторые из таких слов представляют собою образования с более нигде не встречающимися суффиксами, напр., письм. *degere* 'верх, наверху', *dora* 'низ, внизу' и т. д. от корней *dege* и *do*, от которых имеются письм. *degegši* 'вверх' и *degegūr* 'поверху', *doyōyši* 'вниз' и *do-*

γογυг 'понизу'. Суффикс *-ra* или *-re* (напр., в *degere*) встречается лишь как формант категории тех слов, о которых здесь идет речь.

Такие слова соответствуют до известной степени русскому наречию, но лишь отчасти, так как ряд признаков отдаляет их от того, что принято называть в грамматике русского языка наречием.

Прежде чем идти дальше, следует указать, что эти «наречия» представляют собою группу весьма неоднородных во многих отношениях слов.

Алексей Бобровников относит этого рода слова к «частицам», не делая особой разницы между объединяемыми под этим общим наименованием словами, какими бы признаками они ни характеризовались. Бобровников определяет их таким образом: «частицы суть такие слова, которые сами по себе отдельно взятые не высказывают никакого понятия, но взятые в связи речи или видоизменяют значение известных слов или служат к показанию отношений между понятиями» (цит. соч., стр. 174). По морфологическим признакам Бобровников их делит на бесформенные или коренные и на производные (там же). Эту схему целиком заимствовал Котвич, сохраняющий для соответствующих слов название «частицы».¹

В своей грамматике калмыцкого языка (изд. 1929 г.) Котвич называет их наречиями, в категорию которых он включает и частицы (стр. 86, 319 и сл.). Собственно наречиями Котвич называет наречия времени (стр. 331 и сл.), места (стр. 332), образа действия (стр. 333), сюда же относит он «наречия, могущие употребляться в значении послелогов, соответствуя русским предлогам» (стр. 334). К частицам Котвич относит отрицания, «приставки вопроса», частицы подтверждения и т. д.

Оставляя пока в стороне вопрос о правильности объединения под общим наименованием всех слов, относимых соответствующими авторами к одной группе, укажем лишь, что эти авторы не имели, повидимому, никаких критериев для отнесения слов к группе частиц или наречий. Так, напр., Котвич относит к частицам: 1) отрицание *ugā* (письм. *ügei*), являющееся именем, 2) суффиксы вопроса *-ū* или *-jā*, 3) *imn*, представляющее собою связку в составе именного сказуемого и т. д. Как видно, к частицам относятся и имена, и суффиксы и т. д. Другими словами, частицы у Котвича — группа сборная, и отнесенные к ней слова объединены в эту одну группу, повидимому, лишь на том основании, что в других языках им, отчасти, соответствуют «частицы». Никаких оснований относить к частицам имя *ugā* или суффикс *-ū*, конечно, нет.

То же самое, что Котвич, а до него Бобровников, делает и Руднев, который под наречием объединяет «все несклоняемые и неспрягаемые части речи, известные под названиями наречий (в частности), союзов, предлогов, послелогов, междометий, частиц» (цит. соч., стр. 85), причем и Руднев относит к наречиям, с одной стороны, *ügei*, а с другой стороны — суффикс вопроса *-ū* (цит. соч., стр. 86—87).

Итак, можно установить, что Бобровников и заимствовавшие его схему авторы относят к частицам, иначе называемым наречиями, весьма различные и мало связанные друг с другом категории слов. Единственным критерием для объединения их является их несклоняемость и неспрягаемость. Однако в действительности ряд относимых сюда слов является как раз склоняемым, как, напр., *ügei*.

Шмидт в своей грамматике монгольского языка говорит о послеречии, наречии и союзе, т. е. так называемые «частицы» или «наречия» делит на три группы или вернее вместо одной части речи говорит о трех частях речи (цит. соч., стр. 19, 86, 92, 99). Эту же схему повторяют Ковалевский (цит. соч., стр. 25) и Попов (цит. соч., стр. 28), выделяющие в особую часть речи:

¹ Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902, стр. 128.

еще междометие, которое Шмидт забыл назвать самостоятельной частью речи. Как видно, Шмидт и примыкающие к нему авторы не склонны объединять в одну группу все то, что Бобровников и заимствовавшие его схему Котвич и Руднев объединили под общим названием частиц.

Послеречием Шмидт называет, во-первых, суффиксы, а именно те, которые пишутся раздельно с основой — суффиксы падежные, суффикс образования именной основы *daki*, а во-вторых, послелоги, типа *tula*, *xoġna*, *ġayura*, *alus*, *dora*, *γadana*, *kürtele* и т. д. (цит. соч., стр. 86 и сл.). К наречиям Шмидт относит *ese*, *mayad. ügeġ*, *edüġ*, *üneker*, *sedkiši ügeġ*, *öni*, *saja*, *γayġayar*, *maši*, *ende*, *tende*, *tegündür* и т. д. Категория союза обнимает у Шмидта *kiged*, *ba*, *ali-ali*, *ġu*, *xarin*, *tegünčilen* и т. д.

Как видно, Шмидт не имел ясного представления о природе отдельных слов, относимых им к той или иной категории и объединил весьма разнородные слова. Чувствуется во всем, что и Шмидт исходил не столько из специфики соответствующих слов, сколько из их переводов на русский язык. Так, напр., на стр. 103 Шмидт говорит: «Союз *чтобы* заменяется деепричастием настоящего времени *keten* глагола *ketekü* 'говорить'...» Из этих слов Шмидта явствует, что и он стремился в первую очередь к тому, чтобы найти монгольские эквиваленты русских или латинских наречий, союзов и т. д., не считая для себя обязательным становиться на путь выяснения природы соответствующих монгольских слов.

Ковалевский тоже говорит о наречии, послеречии и союзе, а также добавляет междометие. К наречию он относит слова, выражающие качество или обстоятельства другого качества или действия и служащие определением имени прилагательного или глагола (цит. соч., стр. 122). Следовательно, сюда относятся *adali*, *ilaγuġ-a*, *ilegü*, *onča*, *eγ*, *saitur*, *jekede*, далее наречия места, типа *ende*, *inayši* и т. д., наречия времени, вроде *ašida*, *edüge*, *erle* и пр., отрицания *ese*, *ügeġ* и пр. Как видно, Ковалевский в основном повторяет здесь Шмидта. Полное совпадение обнаруживает то, что говорят Ковалевский и Шмидт о послеречии. Так же мало оригинален в своей грамматической концепции в этом отношении и Попов.

Итак, Шмидт и повторившие его схему Ковалевский и Попов дробят категорию «частиц» или «наречий» на три категории, но делают это, не имея ясных критериев и игнорируя морфологическую и синтаксическую природу слов, относимых ими к тем или другим категориям.

Как Шмидт, так и Бобровников впали в конце концов в ряд крупных ошибок, повторенных теми, кто механически придерживался их схемы.

Их схемы мало похожи одна на другую, причем схема Шмидта оказывается случайно более правильной, чем схема Бобровникова. Однако, пытаясь применить эти схемы на практике и разнести соответствующие монгольские слова по установленным графам схем, оба автора оказались беспомощными, и обнаружилось, что в основе этих схем нет теории, которая базировалась бы на четком методе установления грамматических категорий.

§ 16. Шмидт оказался в вопросе о наречии, послеречии и союзе ближе к истине, чем Бобровников, хотя к той или иной категории он относит сплошь да рядом такие слова, которые на деле должны быть отнесены к другой категории. Действительно, в установленную Бобровниковым категорию частиц не укладывается все то, что он стремился объединить под этим общим названием.

Не внося пока существенных изменений в принятую прежними авторами терминологию, произведем разбивку так называемых наречий на группы.

Среди наречий или «частиц» прежних грамматик образуют самостоятельную группу такие слова, которые могут в предложении играть роль не только обстоятельственных слов, но также роль определения и управляться

другими словами. Таковы: *erte* 'рано', *ōni* 'давно', *edüge* 'ныне', *xola* 'далеко', *oira* 'близко', *lab* 'наверное', *maγad* 'определенно' и т. д.

Для этих и других аналогичных слов характерно прежде всего то, что они могут функционировать как определение при имени предметном, напр., *erte čay* 'раннее (прежнее) время', *ōni čay* 'давнее время', *xola γažar* 'дальняя страна', *maγad ünep* 'определенная истина' и т. д.

Это уже делает их не наречиями. Второе — это управляемость их, напр., *xolaji ülü bodoyči* 'недалновидный' (досл. 'не думающий о далеком'). По существу этого рода слова ничем не отличаются от имен качественных таких, как *saɣn* 'хороший', ибо при глаголе последнее имеет значение русского 'хорошо'. Следовательно, это имена качественные. То обстоятельство, что многие из этих слов лишь частично склоняемы, большого значения не имеет, так как от многих качественных имен на практике встречаются тоже не все падежные формы.

После произведенного отсева этих «наречий», оказывающихся на деле именами качественными, остается обширная группа слов, далеко не однородных в частности и в особенности со стороны синтаксической.

Из этой многочисленной категории слов выделяются следующие под-категории.

1. Слова, играющие роль обстоятельственных слов и функционирующие также предикативно. Их связь с другими словами в предложении не может быть управлением. Не могут они выступать также в роли определения к другому члену предложения (имени). Эти слова не выступают в роли послелогов и связаны в порядке примыкания всегда с глаголом (а также причастием и деепричастием). Сюда относится, напр., *xamiγa* 'где?' и т. д.

2. Слова, играющие только роль обстоятельственных слов и не функционирующие предикативно. Их связь с другими словами в предложении тоже не может быть управлением и они тоже не могут выступать в роли определения к имени предметному. Эти слова тоже в роли послелогов не употребительны. В порядке примыкания они связаны всегда только с глаголом (а также причастием, деепричастием). Сюда относятся: *uɣyata* 'совершенно', *saɣtur* 'по-хорошему', *araɣ* 'едва', *ker* 'как?', *oγtu* 'совсем' и т. д.

3. Такие же слова, как упомянутые в п. 2, и отличающиеся от последних лишь тем, что они могут характеризовать не только действие (глагол), но свойство или признак (имя качественное). Таково, напр., *maši* 'очень' (ср. *maši saɣn* 'очень хороший', *maši bajasuba* 'очень обрадовался').

4. Такие же слова, как упомянутые в п. 2, но характеризующие только свойства, т. е. могущие в порядке примыкания относиться к именам качественным. Таковы, напр., *toɣ* 'очень', *asuru* 'очень', *ülemži* 'замечательно' и т. д.

5. Значительную группу образуют слова, во многом сходные с упомянутыми в п. 1, но отличающиеся от них одним весьма существенным признаком, о чем речь будет ниже. Они могут играть роль тоже только обстоятельственных слов, изредка сказуемого. Они точно так же не могут находиться под управлением имен и не встречаются в роли определения, напр., к имени предметному. Эти признаки сближают их со словами, упомянутыми в первом пункте. От последних их резко отличает, однако, то, что они выступают также в роли послелогов. Сюда относятся *dotura* 'внутри', *dora* 'внизу', *γadana* 'вне' и т. д. Иначе говоря, это слова, относимые Шмидтом к «послеречию» (цит. соч., стр. 90—91). К «послеречию» Шмидт относит также *adali*, *degere*, *alus*, *orčin*, но так как они употребляются также атрибутивно, мы их безоговорочно признать «послеречиями» не можем.

6. К «послеречию» Шмидтом отнесены также *tula*, *töläge* и некоторые другие слова (цит. соч., стр. 90). Однако от упомянутых в предыдущем пункте они отличаются тем, что функционируют только как послелог.

Таким образом устанавливаются вместо единой категории «частиц» или «наречия» несколько частей речи. Мы насчитываем таковых три, а именно:

1. Наречие
2. Наречие-послелог (переходная категория)
3. Послелог.

К наречию мы относим все слова, упомянутые в пунктах 1—4 настоящего параграфа. Среди них выделяются некоторыми специфическими особенностями наречия места (см. пункт 1), допускающие частичное склонение (поэтому их можно назвать «дефектными именами») и принимающие суффиксы притяжания.

Наречием-послелогом мы называем слова, упомянутые в пункте 5, а послелогом — упомянутые в пункте 6.

СОЮЗЫ, ЧАСТИЦЫ И МЕЖДОМЕТИЯ

§ 17. Междометиями являются неизменяемые слова, обозначающие подражания различным звукам. Ко многим междометиям имеются звукоподражательные глаголы, вроде *xaggina*- 'греметь' от *xaŋ*, *barkira*- 'кричать' от *bar* и т. д.

В предложении междометия связываются с остальными словами при помощи разных форм глагола *keme*- 'говорить', напр., *čal kemegsen dayun* 'звук чал' (досл. 'звук, сказавший «чал»').

Союз является исключительно служебным словом. Он служит для связывания, соединения отдельных членов предложения и предложений. Союзов в монгольском языке немного, причем большинство имеет глагольное происхождение. Сюда относятся *ba*, *böged*, *kiged* (все имеют значение русского 'и'), *biŋi* 'или' и т. д.

Наконец, мы подходим к довольно неоднородной категории слов, которые за отсутствием другого, более четкого термина обычно называют частицами.

К частицам можно отнести: 1) отрицания *ese*, *ülü*, *büü*; 2) слова, типа *fasu*, *suŋu* и т. д., соответствующие русским приставкам; 3) слова, типа *ža*, *kü* и т. д., занимающие в предложении место за тем знаменательным словом, к которому они относятся.

В зависимости от того места, которое эти частицы занимают по отношению к слову, с которым они связаны, они могут быть разбиты на две группы: к первой относятся те, которые занимают место впереди, а ко второй — те, которые занимают место позади. К первой группе относятся отрицания и частицы *fasu*, *suŋu* и т. п., ко второй — *ža*, *kü*, *ču* и т. д.

Как в каждом языке, так и в языке монгольской письменности и в разговорной речи встречаются разные переходные случаи. Не останавливаясь на них и предполагая к вопросу о них вернуться когда-нибудь в специальной работе, подведем итоги.

Различных частей речи мы устанавливаем больше, чем некоторые прежние грамматики. Наличие ряда характерных признаков позволяет говорить, во всяком случае, о десяти частях речи:

1. Имена предметные
2. Имена качественные
3. Числительные
4. Местоимения
5. Глаголы (включая причастия и деепричастия)

6. Наречия (включая наречия-послелогои как переходную категорию)
7. Послелогои
8. Союзы
9. Частицы: а) препозиционного типа, б) постпозиционного типа
10. Междометия

Заканчивая нашу статью, укажем, что разработка вопроса о частях речи в монгольском еще не может считаться законченной.¹ Поэтому мы предполагаем впоследствии вернуться к этому вопросу, памятуя о большом значении его для монгольского языкознания, ибо только на основе правильного его решения возможно серьезное исследование синтаксиса и составление словаря. Необходимо заметить, что одним из недостатков наших прежних словарей является отсутствие грамматических характеристик слов. Последние же могут быть даны именно путем отнесения слов к тем или иным частям речи.

¹ Настоящая статья нами была в сокращенном виде прочитана в качестве доклада на Бурят-Монгольской лингвистической конференции в гор. Улан-Удэ в июле 1936 г. Доклад этот был тогда же издан стеклогграфским способом. Ссылаясь в своей работе на доклады и решения названной конференции, Г. Д. Санжеев имел в виду, между прочим, наш доклад (см. «Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори». Записки Бурят-Монгольского Гос. инст. языка, литературы и истории, вып. 1, Улан-Удэ, 1940, стр. 16 и сл.).